

Анне-Кам.
Вестли

**УЛЕ-АЛЕКСАНДР
ИДЁТ В ШКОЛУ**

ГЕРОИ
ВЕСЁЛЫХ ИСТОРИЙ
ПРО ПАПУ, МАМУ,
БАБУШКУ, ВОСЕМЬ ДЕТЕЙ
И ГРУЗОВИК
СНОВА С НАМИ!

Анне-Катрине Вестли
Уле-Александр идёт в школу
Серия «Уле-Александр», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69639319

Уле-Александр идёт в школу. повести: Махаон, Азбука-Амтикус;

Москва; 2023

ISBN 978-5-389-24197-8

Аннотация

Вы уже знакомы с Уле-Александром. В этой книге вы прочитаете о его новых приключениях и узнаете, почему он попал в больницу, как был полицейским, что такое «летняя стрижка», какой сюрприз приготовил папа для Уле-Александра, как у него появился новый друг, с какими неприятностями ему пришлось столкнуться в школе, а самое главное, вы сможете отправиться вместе с ним в полёт!

Содержание

Рубашка Уле-Александра	9
Рубашка	12
Визит врача	24
Рентген	37
Детское отделение	48
Снова дома	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

**Вестли А..
Уле-Александр
идёт в школу
*Повести***

Anne-Cath. Vestly

OLE ALEKSANDER FÅR SKJORTE

1955

OLE ALEKSANDER OG BESTEMOR TIL VÆRS

1956

Ole Aleksander får skjorte and the following copyright notice:

Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1955 [All rights reserved.]

Ole Aleksander og bestemor til værs and the following copyright notice:

Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1956 [All rights reserved.]

© Дробот О. Д., перевод на русский язык, 2023

© Бородинская М. Я., перевод стихов на русский язык,
2023

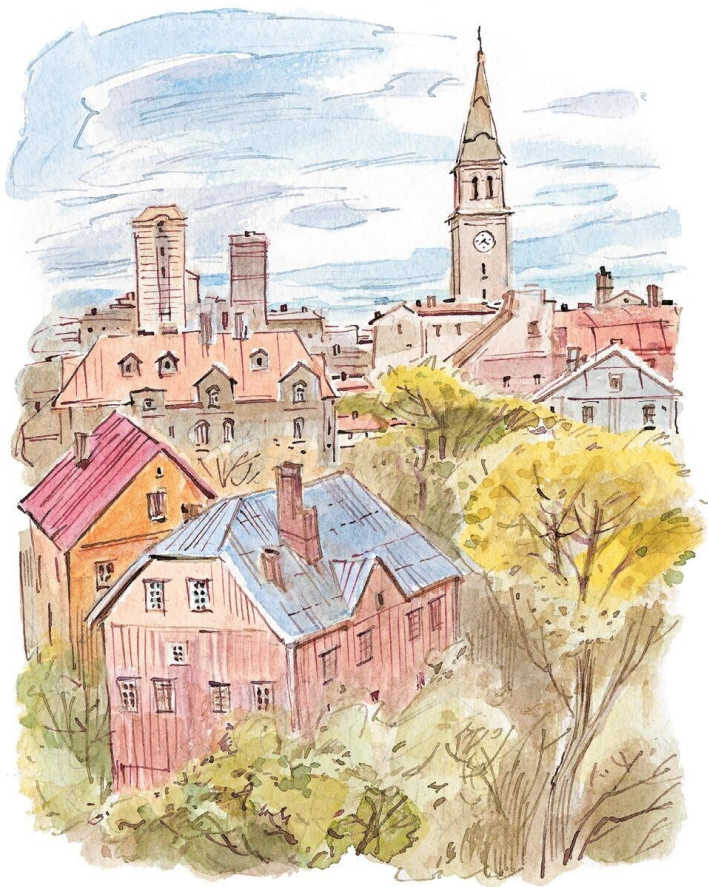
© Челак В. Г., иллюстрации, 2023

© Издание на русском языке. Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023
Machaon®

* * *

Анне-Кам. Вестли

УЛЕ-АЛЕКСАНДР ИДЁТ В ШКОЛУ

Повести

Перевод с норвежского *Ольги Дробот*
Стихи в переводе *Марины Бородицкой*

Художник *Вадим Челак*

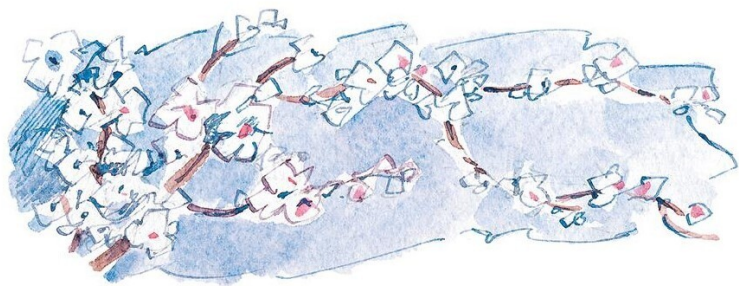

Москва
«Махаон»

Рубашка Уле-Александра

Рубашка

Было раннее воскресное утро. Половина восьмого, не больше. Папа с мамой ещё и не думали вставать. Уле-Александр забрался к ним и сидел на стыке кроватей, опершись спиной о подушку, он рисовал машину. Кроха ползала по одеялу, а папа сгибал колени, и у неё на пути вставала гора. Кроха пыхтела, сопела и карабкалась наверх, но папе всё равно приходилось немножко подпихивать её. Наконец Крохе удавалось взгромоздиться наверх, она радостно качалась на вершине одеяловой горы, но тут папа говорил «бух!» и резко вытягивал ноги. Гора осыпалась, Кроха летела вниз и хохотала до икоты. Она обожала эту игру и требовала ещё и ещё. Хотя она не говорила пока словами, но все отлично понимали, чего ей хочется. Вдруг в дверь позвонили. Папа взглянул на маму, мама на папу – кто это пришёл в такую рань в воскресенье?

– Хотите, я открою? – предложил Уле-Александр.

– Нет уж, лучше я сам, – ответил папа и как был, в пижаме, устремился в коридор. Откашлялся громко как слон, открыл дверь и выглянул на площадку. Там стояла Ида.

Ты ведь её помнишь? Родители Иды улетели работать в Америку, а дочку оставили с тётей Петрой. Так Ида и Уле-Александр стали соседями по большому дому и закадычными друзьями.

Мама и папа Иды часто пишут ей письма, а тётя Петра читает их вслух Уле-Александр, Монсу-из-усадьбы и самой Иде. Ребятам интересно послушать про жизнь в Америке. Тётя Петра в ответ описывает проделки троих друзей, так что мама Иды уже отлично знакома с Уле-Александром и Монсом, хотя никогда их не видела. Однажды Иде пришла посылка, в неё был вложен маленький свёрточек для Монса и ещё один – для Уле-Александра. Монсу подарили красивый красивый платок с конями, а Уле-Александр рубашку. Не такую обычную, как он всегда носит, а взрослую, с планкой и скруглённую снизу, точь-в-точь как у папы, только размером поменьше, потому что Уле-Александр и сам поменьше.

– Она слишком красивая, – сказал Уле-Александр, – её носить страшно. Пусть висит в шкафу. Вот придут гости, мы её достанем и покажем им.

– Не выдумывай, – ответила мама, – это будет твоя праздничная рубашка. Только к ней ещё галстук нужен.

Она достала старый папин галстук, взяла ножницы и обрезала его, а то не порядок, когда галстук человеку до колен. Потом рубашку отправили в шкаф, и вот уже много недель она там висит. Уле-Александр иногда открывает дверцу и рассматривает свою праздничную рубашку, но надеть её повода всё ещё не было. А вдруг Ида спозаранку пришла спросить, не хочет ли Уле-Александр щегольнуть по случаю воскресенья?

– Однако ранняя птичка твоя Ида, – сказала мама из кровати.

Тут как раз Ида вбежала в спальню.

– Я знаю, что вы ещё не встали, – затараторила она с порога, – но я давным-давно проснулась и не могу больше ждать.

Она вытянула руку с какой-то бумажкой.

– Знаете, что это такое? Не знаете? Телеграмма!

– Тебе прислали телеграмму? – изумился Уле-Александр. – Я думал, их только взрослые получают?!

– Обычно да, но мне прислали, – сказала Ида. – И знаешь, что в ней написано?!

– Нет, не знаю.

– Мама с папой едут домой! Они вернутся со следующим кораблём из Америки, через две недели, сказала тётя Петра. И ещё сказала, что вы с Монсом тоже поедете в порт встречать корабль, потому что это незабываемое впечатление, только чур не спрашивай меня, что это значит.

– Я пойду их встречать в красивой рубашке.

– Думаешь, я уеду отсюда, когда родители вернутся? – спросила Ида.

– Наверняка, – сразу огорчился Уле-Александр. – Пусть они тогда лучше опоздают на пароход.

– А вот и не перееду! – торжествующе сказала Ида. – У папы с мамой жилья в городе нет, и они тоже поселятся у тёти Петры! Она говорит, так только проще, а то они оба всё время работают и оставляют меня на тётю, ей удобнее, когда

мы все живём у неё.

– Здорово! – сказал Уле-Александр. – Тогда ладно, пусть не опаздывают на пароход.

Оставшиеся две недели тётя Петра хлопотала не покладая рук, ей хотелось навести чистоту и порядок в доме. Уле-Александр, Ида и Монс тоже старались помочь. Несколько раз в день они таскали на помойку картонные коробки с пакетами и прочим хламом, накопившимся у тёти Петры. Теперь надо было освободить побольше места, и всё ненужное пошло на выброс. Когда они повыкидывали всё лишнее, тётя Петра хорошенько оттёрла, отскребла и отмыла весь дом, а потом нарисовала красивый плакат «Добро пожаловать домой в Норвегию!» – его они повесят на двери в день приезда. Ещё она всё время пекла впрок сладкое.

Ребятам разрешалось взбивать белки, а когда пирог отправлялся в духовку, они усаживались рядом и следили по часам, чтобы он не сгорел и не пересох.

Накануне приезда тётя Петра сказала:

– Сегодня ляжем пораньше. Завтра мы должны быть свежие и бодрые. А из порта добро пожаловать к нам на приветственный завтрак!

На другое утро Уле-Александр встал очень рано, чтобы не опоздать – корабль прибывал в девять утра. Уле-Александр надел праздничную рубашку, приосанился и стал горделиво расхаживать по комнате.

– Иди-ка надень брюки, – вмешалась мама.

– Сейчас, только посмотрю на рубашку, – ответил Уле-Александр, вертясь перед зеркалом. – Папа, взгляни на меня!

– Я сплю, – пробубнил папа.

– Вижу, – сказал Уле-Александр. – Но ты можешь посмотреть минуточку? Смотри, у моей рубашки длинные хвосты спереди, точно как у твоей!

– Угу, – промямлил папа.

– Надевай брюки, а потом я тебе галстук завяжу, – сказала мама.

– Лучше я, – вдруг проснулся папа. – Мы, мужчины, лучше с этим справляемся.

Наконец Уле-Александр, при полном параде, собрался уходить, но тут мама сказала:

– Ты едешь в порт, там холодно. Надень-ка шерстяную кофту и ветровку, тогда точно не замёрзнешь.

– Нет, так рубашку будет не видно, – заартачился Уле-Александр.

– Целиком – нет, но воротник виднеется. А одеться надо, иначе ты замёрзнешь.

Уле-Александр нехотя надел кофту и куртку и мрачный и сердитый спустился к тётке Петре и Иде. На площадке у дверей уже ждал Монс, у него на шее был красиво повязан подаренный ему платок.

– Пора идти, – сказала тётя Петра. Ида была сама не своя – бледная и какая-то странная, она крепко держала тётю Петру

за руку.

– Ты чего боишься? – спросил Уле-Александр.

– Вдруг я их не узнаю? – тихо ответила Ида.

– Конечно, узнаешь, – сказала тётя Петра. – Ты как их увидишь, вообще забудешь, что они уезжали.

Попасть в порт можно было только через проходную, и тёте Петре пришлось показать документы, чтобы их пустили.

– Вижу причал! – закричал Уле-Александр и уже собрался побежать туда, но тётя Петра поймала его за руку.

– Нам вон туда, наверх, – сказала она и показала на довольно высокий домик. Они поднялись по лестнице, вошли в большой зал ожидания и через него вышли на длинную-длинную террасу. Все встречающие стояли здесь.

– Они сойдут на берег там, внизу, и вообще нас не увидят, – волновалась Ида.

– Это очень высокий корабль, – объяснила тётя Петра. – Поэтому они сойдут на берег прямо здесь, на втором этаже, где мы с вами стоим.

– Он такой огромный, этот корабль? – спросила Ида.

– Конечно, он же океан переплывает.

– Вон он! – объявил Уле-Александр, но это оказалась обычная моторка из тех, что ходят по фьорду.

– Мне кажется, я его вижу, – наконец сказала тётя Петра. – Вон там далеко, на горизонте, разве не большой корабль?

– Они наверняка тоже стоят на палубе и высматривают нас, – ответила Ида.

Уле-Александр взглянул на Монса. Красивый американский платок ярко краснел у него на шее поверх ветровки. Мама и папа Иды наверняка издали заметят его и сразу поймут, что Монсу подарок очень понравился. А праздничную рубашку никто под курткой не увидит. И все могут подумать, что Уле-Александр вообще не захотел её надевать. Он стал незаметно растёгивать ветровку. Тётя Петра смотрела только на корабль, и Монс с Идой тоже. Уле-Александр справился с последней пуговицей и стянул с себя ветровку. Осталась кофта, но у неё были такие простые пуговицы, что дело сладилось в две минуты. Уле-Александр зажал под мышкой ветровку и кофту и поднял глаза, теперь он тоже смог посмотреть на корабль. Ой! Уле-Александр даже испугался, он не думал, что корабль будет такой огромный. Да он высотой с дом! И приближается очень медленно. Ещё бы – нелегко пришвартовать такую громадину. Уле-Александр мёрз, ветер продувал его насквозь, но ждать оставалось недолго. Сейчас он поздоровается с мамой и папой Иды, они увидят его рубашку, и можно будет снова утепляться.

Корабль причалил, и в ту же секунду громко заиграла музыка – исполняли гимн Норвегии, и все на судне и на причале замерли и молча слушали. От торжественности момента Уле-Александр задрожал сильнее, а тётя Петра заплакала.

– Ты так огорчаешься, что приехали родители Иды? – тихо спросил её Уле-Александр.

– Нет, – покачала головой тётя Петра. – Но я чувствую,

будто это я возвращаюсь в родную Норвегию из далёких странствий. На корабле наверняка много людей, которые не были дома много-много лет, и родина их встречает. Представляешь, что значит для них этот момент?!

Музыка заиграла снова, теперь американский гимн, и все стояли и внимательно слушали.

Едва музыка смолкла, в тишине кто-то крикнул:

– Ида, доченька!

Уле-Александр посмотрел вверх. Мужчина и женщина махали им изо всех сил, женщина смеялась и плакала одновременно.

– Мама! – закричала Ида. – Папа!

Она стала махать им руками, и Уле-Александр с Монсом тоже замахали.

– Я их узнала! – выдохнула Ида. – Я их сразу узнала!
– Как вы?! – крикнула мама Иды.

– Отлично! – ответила тётя Петра. – Спускайтесь поскорее, а то Ида сейчас от восторга в воду сиганёт!

У этого корабля и трап был не такой обычный, который матросы могут поднять и поставить. Нет, здешний был похож на маленький мост, и его ставил на место подъёмный кран!

– Ещё несколько минут, – сказал папа Иды.

– Мы ждём тут, – кивнула тётя Петра.

Поскорее бы они уже пришли, думал Уле-Александр. От холода у него стучали зубы, но он всё равно хотел встретить родителей Иды так, чтобы рубашку было хорошо видно. Снова заиграла музыка, на этот раз марш, и все стали при-танцовывать на месте.

Прошло ещё немало времени, но вдруг Ида закричала:

– Вот они!

Она сорвалась с места и кинулась на шею маме, потом папе, потом снова маме, и родители выпустили из рук чемоданы и подняли её высоко над толпой.

– Как же ты выросла! – говорили мама и папа. – Ничего себе! Дай поздороваемся со всеми. Здравствуй, здравствуй, тётя Петра! А это друзья Иды, да?

– Монс, – сказал Монс и протянул руку.

– А ты Уле-Александр, наверно, – сказала мама Иды.

– Угу, – просипел Уле-Александр.

– Да у тебя руки ледяные, ты замёрз, похоже.

– Угу, но теперь я могу одеться.

Потом они все вместе поехали к тётё Петре. Их ждал накрытый стол и встречал приветственный плакат на двери.

Ида сидела между мамой и папой, но то и дело вскакивала и бежала поцеловать тётю Петру. Ещё не хватало, чтобы тётя решила, будто Ида её забыла. Она её так любит!

Уле-Александр так согрелся, что пыхал жаром. Он не мог взять в толк, как он умудрился замёрзнуть на пристани. Само слово «мёрзнуть» казалось ему странным. И в голове творилось что-то непонятное. Голоса за столом то грохотали, то едва слышались, не разберёшь, что и говорят.

Над ним вдруг склонилась тётя Петра.

– Ты, часом, не заболел, друг дорогой? У тебя глаза блещут и ты какой-то красный.

– Нет, просто эта рубашка ужасно жаркая. Я выйду на балкон проветрюсь.

Он вышел на балкон и мгновенно замёрз, но что удивительно – голова по-прежнему пыхала жаром, как печка.

Надо высунуть наружу только голову, сообразил Уле-Александр, и тут его манёвры заметила тётя Петра.

– Чем это ты странным занимаешься? – удивлённо спросила она. – Иди лучше обратно к нам.

Родители Иды как раз рассказывали о корабле.

– Представляете, – говорила мама Иды, – там три банкетных зала. И в каждом по вечерам играет оркестр и подают очень вкусную еду.

– Но таких чудесных кексов, как вы напекли, нам, конеч-

но, не давали, — добавил папа Иды.

После еды тётя Петра намекнула Уле-Александру и Монсу, что им пора домой, потому что родителям Иды надо с дороги отдохнуть, а потом спокойно разобрать чемоданы.

Уле-Александр пошёл к себе наверх, но лестница в этот день казалась бесконечной. И в голове что-то стучало и звенело. Он тащился до своего этажа неимоверно долго, а потом ещё долго-долго плёлся через всю площадку до двери квартиры. Наконец дошёл.

— Сейчас ты мне всё-всё расскажешь, — сказала мама. — Только не мог бы ты сначала сбегать вниз в магазин?

— Сил нет, — ответил Уле-Александр.

— Что ж ты, мне не поможешь? Такой ты лентяй?

— Сейчас уже ночь всё равно, — пробормотал Уле-Александр. — Видишь, как я устал.

И он улёгся в постель не раздеваясь, прямо в брюках, рубашке и галстуке. Тут уж и мама поняла, что Уле-Александру плохо. А он чувствовал себя хуже некуда. На холодном ветру на причале он в своей тонкой рубашке промёрз насквозь и разболелся. «Какое счастье, что я уже в кровати и могу лежать, сколько захочу», — думал он.

Визит врача

У тебя когда-нибудь была высокая температура? Голова раскалывается, ломота в теле и боль в груди, так что ни вдохнуть ни выдохнуть. Вот так себя Уле-Александр и чувствовал. Если у человека слишком высокая температура, он иногда заговаривается: говорит вслух, а что говорит, и сам не понимает. Уле-Александр произносил целые монологи:

– Я жил в Америке очень долго, теперь так странно возвращаться домой. Нет, мне не холодно в одной рубашке, она очень тёплая. Мне просто сначала показалось, что я замёрз, но потом стало аж жарко. На корабле три банкетных зала, и в каждом подают домашнюю выпечку.

Утром он проснулся от маминых слов, она стояла у его кровати, склонившись над ним.

– Сынок, ты нехорошо дышишь, слишком быстро, – сказала мама.

– У меня на голове что-то тяжёлое лежит, – пожаловался Уле-Александр. – Убери, пожалуйста.

– Нет у тебя на голове ничего. Тебе так кажется из-за температуры.

– Но я же чувствую. Наверно, ты положила мне на голову утятницу и забыла.

– Тебе лучше не разговаривать. Лежи спокойно и выздо-

равливай. Положить тебе на лоб мокрое полотенце?

– О, как приятно! Оно холодное, только очень быстро снова становится горячим. Мама, а обязательно всё время дышать?

– Обязательно, – кивнула мама. – Люди должны дышать всё время.

– Очень жалко, – сказал Уле-Александр, – потому что дышать мне больно. Вот бы можно было сделать перерыв и не дышать, чтоб не болело.

– Придумала, – сказала мама. – Давай-ка я позвоню доктору, он гораздо лучше меня знает, как помочь человеку быстро поправиться.

– Не надо, ты отлично справляешься, – сказал Уле-Александр и заснул.

Кроха стояла в своей кроватке и гулила очень сердито.

– Да-да-да, – строго говорила она. Кроха привыкла, что по утрам Уле-Александр вынимает её из кроватки и кладёт в свою большую кровать. А сегодня он ленится и отлынивает, вот тебе раз!

Мама забрала Кроху на кухню.

– Уле-Александр заболел, – объяснила она, – ему нужен покой.

– Да-да, – пробурчала Кроха, она всё ещё сердилась.

Когда Уле-Александр проснулся, у кровати стоял доктор. Уле-Александр узнал его, потому что видел не первый раз.

– Привет, Уле-Александр Тилибом-бом-бом, что это ты

выдумал такое? – спросил доктор и достал что-то очень похожее на резиновую змею. Два хвоста доктор засунул себе в уши, а блестящую голову приложил к груди Уле-Александра, чтобы послушать, как он дышит.

Тебя ведь доктор тоже когда-нибудь выслушивал таким прибором? Знаешь, как он называется? Сте-то-скоп. Сможешь так сказать?

Доктор долго слушал, как Уле-Александр дышит. Наконец он положил стетоскоп на папину кровать, сел и заговорил с Уле-Александром.

Кроха была на кухне, но как только мама ушла в спальню, устремилась следом за ней. Она тоже хотела в спальню, ко всем. Ползала она уже очень проворно и теперь неслась по коридору на всех парах, как скорый поезд. Влетев в комнату, Кроха взглянула на чужого дядю и заползла под папину кровать. Здесь она нашла тапку и стала её грызть, но на вкус она оказалась так себе. Дада, только и сказала Кроха. Она уже умела вставать, держась за что-нибудь, и теперь ловко встала сбоку от папиной кровати. А на покрывале, бываю-ют же удачи, лежало что-то странное. Надо рассмотреть по-лучше, решила Кроха, схватила стетоскоп своими маленьки-ми цепкими пальчиками и плюхнулась на пол. Теперь она жевала стетоскоп, он оказался гораздо, гораздо вкуснее тап-ки. Кроха сидела тихо, как мышка, и занималась приятным делом.

– Мы тебя вылечим, Уле-Александр, – говорил доктор, –

но только лучше бы тебе поехать со мной в больницу. Кроха вряд ли целый день ведёт себя так же тихо, как сейчас, а тебе нужен полный покой.

– Где она, кстати? – спросила мама.

– Вон сидит, – сказал доктор. – Что, разбойница, стащила мой стетоскоп?

Кроха смерила его взглядом, покрепче сжала в кулаке своё сокровище и сказала:

– Дадада!

– Теперь не отнимешь, – улыбнулся доктор.

– Дайте ей взамен что-нибудь, – сказал Уле-Александр.

– Смотрю, ты отлично управляешься с малышами, – похвалил доктор.

Мама дала Крохе сухарик, и та выпустила стетоскоп. Уле-Александр снова задремал, а мама с доктором и Крохой ушли на кухню.

– У него серьёзное воспаление лёгких, – сказал доктор. – Я бы настоятельно советовал вам отправить его в больницу, потому что ему необходимо всё время находиться под присмотром врача.

– Я бы предпочла оставить его дома, – сказала мама, – но понимаю, что для него лучше лечиться в больнице. Но разве можно взять его из тёплой кровати и вынести на холод?

– Мы отвезём его на машине «скорой помощи» и хорошенько укутаем, никакой опасности не будет. Тогда я звоню,

чтобы присылали машину.

– Я только отнесу Кроху на четвёртый этаж, – сказала мама. – Присмотрите пока за ним?

– Конечно.

Уле-Александр снова проснулся. На этот раз у его кровати стояли незнакомые дяди.

– Ну что, парень, карету заказывал? – спросил один.

– Мама, мне не хочется сегодня кататься, – сказал Уле-Александр, – что-то сил нет.

– Тебе даже вставать не надо, – объяснил второй. – Мы сейчас закатаем тебя в одеяла и перенесём, всё будет в лучшем виде, сам увидишь.

Они взяли большое шерстяное одеяло и замотали в него Уле-Александра, потом поверх наверху одно одеяло на ноги, одно – на грудь и спину, и ещё одним укутали голову, так что от всего Уле-Александра остался снаружи только нос.

– Сейчас мы помчим на машине, которая громко кричит «уи-уи-уи!». Знаешь, как она называется? – спросил один из санитаров.

– «Скорая помощь», – ответил Уле-Александр. – У неё сирена. А мама с нами поедет?

– Конечно! Знаешь, как здорово ездить на «скорой помощи»?! Маме тоже хочется попробовать.

Теперь они положили Уле-Александра во всех одеялах на узкую плоскую кровать без ножек, под названием «носилки», осторожно подняли и понесли. Следом шла мама с зуб-

ной щёткой Уле-Александра, его тапочками и расчёской. Санитары отлично умели носить больных на носилках, и Уле-Александр почти не чувствовал, что они спускаются по лестнице. На первом этаже они ещё раз проверили, чтобы одежда не задралась и не распахнулась, потом вынесли носилки из подъезда, открыли заднюю дверь машины и аккуратно поставили их туда. Маме разрешили сесть там же, рядом с ним. Машина тронулась.

– Уле-Александр, я хотела оставить тебя дома. Но доктор говорит, что тебе будет гораздо лучше в больнице, потому что там врачи и медсёстры знают, как правильно лечить

больных. Там наверняка будут и другие дети, а я буду приходить, когда мне разрешат. Не сомневайся.

– Мне расхотелось ехать в больницу, – вдруг сказал Уле-Александр. – Ты можешь попросить их вернуться?

– Этого я не могу, сынок. Но я уже радуюсь, что скоро ты поправишься и вернёшься назад домой.

Машина остановилась. Те же двое санитаров вынули Уле-Александра из машины и внесли в огромный дом. Здесь всё было белое и светили лампы. Говорили тут полушёпотом, а пахло чем-то странным. В больницах вообще всегда особый запах, потому что тут очень много разных лекарств. Мама заговорила с медсестрой.

– К сожалению, в детском отделении нет ни одного места, – объяснила сестра. – Поэтому мы положим его в двухместную палату во взрослом и переведём к детям при первой же возможности.

Уле-Александра снова подняли и на носилках отнесли в небольшую комнату – палату. Здесь стояли две кровати. В одной лежал пожилой мужчина с длинной бородой. Он кивнул и улыбнулся Уле-Александру. Вторая кровать была пустая.

– Мы согрели твою кровать грелками, чтобы ты не мёрз, – сказала медсестра.

– Я сам горячий, – ответил Уле-Александр.

И тут же в комнату вошли доктор и другая медсестра.

– Ты заработал себе воспаление лёгких, – сказал доктор, –

это серьёзная болезнь. Но не волнуйся, мы тебя вылечим. Видишь, что у меня в руке? Это шприц, а в нём пенициллин. Это не лекарство, а храбрый боец, он только и мечтает проникнуть внутрь тебя и сразиться с воспалением. И дети, и взрослые терпеть не могут уколов, потому что, когда иголка колет, это больно. Но и дети, и взрослые понимают, что мы делаем уколы, чтобы всех вас вылечить. Сейчас я уколою тебя в попу. Поплачь, если хочешь, ничего страшного.

– У-у-у, – только и сказал Уле-Александр.

– Ну ты молодец, – похвалил его доктор. – Тебе полагается приз – смотри, я кладу десять эре в твой ящик. Тебя когда-нибудь блохи кусали?

– Меня нет, а маму часто. В детстве блохи за неё прямо дрались.

– Ну вот, мы тут уколы называем «поиграть в блошки» – шутка у нас такая.

Уле-Александр кивнул и тут же заснул.

Первые дни в больнице он вообще в основном спал и просыпался только поиграть в блошки, но на пятый день он очнулся по-настоящему и с любопытством огляделся вокруг. Старик с бородой был ещё тут, он лежал в своей кровати и читал.

– А дети где? – спросил Уле-Александр, потому что вспомнил, что мама говорила – в больнице будет много детей.

– О, ты проснулся? Очень хорошо, – сказал старик. – Я так

обрадовался, когда они тебя принесли: думал, будет с кем поговорить. А ты всё спишь да спишь который день. А о каких детях ты говоришь? Я тут никаких не видел, но мама твоя приходит каждый день и долго сидит у твоей кровати. То-то она обрадуется, что ты наконец проснулся!

– Ой, мне надо кой-куда, – сказал Уле-Александр и откинул одеяло.

– Парень, не суетись, – остановил его старик. – Сейчас я тебе покажу, как тут это делается.

Он потянул шнур, висевший над кроватью, и нажал кнопку на нём.

– Сейчас увидишь, – сказал он очень довольный.

Секунду спустя в дверях показалась медсестра.

– Это вы меня звали? – спросила она.

– Ага. Наш юный друг проснулся, ему нужна бутылка.

Сестра ушла и тут же вернулась с квадратной бутылкой.

– Мне в бутылку писать? – спросил Уле-Александр в большом удивлении.

– Ты так всё время тут писал, – объяснила сестра. – Но ты плохо себя чувствовал и ничего не заметил. Меня зовут Грета, а если придёт незнакомая медсестра, можешь говорить ей просто «сестра», и она тебе поможет.

– У меня настоящая сестра дома, – сказал Уле-Александр, – её Кроха зовут. Но если ты очень хочешь, могу пока что называть сестрой и тебя тоже.

– Сегодня будем играть в блошки в последний раз. Док-

тор говорит, больше тебе не нужно. Ты ещё полежишь у нас немножко, чтобы набраться сил, и поедешь домой.

– Как тебя зовут? – спросил Уле-Александр соседа.

– Мартин, – ответил тот.

– У тебя очень красивая борода, – похвалил Уле-Александр, – даже лучше, чем у дедушки.

– Правда? – сказал Мартин и улыбнулся во весь рот.

– Лучше бы прямо сейчас в блошки поиграть, – сказал Уле-Александр. – А то ждать и бояться очень неприятно.

– Да, это самое противное, – кивнул Мартин. – Но ты был большой молодец все дни, а это последний раз.

Когда вошла сестра со шприцем в руке, Мартин спросил вдруг:

– Уле-Александр, а сколько у меня тут цветов на тумбочке?

– Раз-два-три-ой-четыре-пять-шесть, – ответил Уле-Александр.

– Ну вот, дело сделано, – сказала сестра. – Не так уж и больно, да?

– Да, – кивнул довольный Уле-Александр. – Считать цветы очень помогает, скажи всем, кто делает уколы.

Ровно в два часа раздался стук в дверь и мама заглянула в палату.

– Мам, привет! – закричал Уле-Александр.

– Ты проснулся?! Вот так радость! – Мама очень обрадовалась и принялась расспрашивать, как у него дела.

– У нас всё отлично, – стал рассказывать Уле-Александр. – Писаем мы в бутылки. И можно завести себе сестёр сколько пожелаешь, тут все хотят, чтобы их называли сёстрами.

Снова раздался стук в дверь, и вошла пожилая женщина.

– Познакомься, – сказал Мартин. – Это моя жена, Анна.

– У-у, – кивнул Уле-Александр.

– Как ты себя чувствуешь, Мартин? – спросила Анна. – Ел что-нибудь?

– Да, но они тут ничего не солят.

– Так я и думала, – сказала Анна, – вот принесла тебе самой солёной колбаски.

– Положи в мою тумбочку, – попросил Мартин.

Уле-Александру показалось, что время посещений кончилось слишком быстро. Вот мама встала и сказала:

– Я завтра снова приду. Папа передавал большой привет. Он не смог вырваться с работы, но постарается заглянуть вечером. Не скучай пока.

Едва мама с Анной вышли за дверь, тотчас появилась сестра с термометрами и тазиками для умывания.

– Посмотрим, сколько у вас сегодня набежит, – сказала она. – Лежите тихо и не шевелитесь, пока меряете температуру.

Но не успела она выйти за дверь, как Мартин свесился с кровати, выхватил из тумбочки солёную колбасу, повернулся спиной к Уле-Александру и стал грызть колбасу с такой жадностью, как будто ест на скорость. И всё-таки съесть всю он не успел – сестра вернулась слишком быстро. Уле-Александр увидел, что Мартин сунул огрызок колбасы под одеяло.

Кажется, он делает то, чего нельзя, подумал Уле-Александр. Странно. Ведь Мартин – взрослый человек, к тому же очень добрый и симпатичный.

– Мартин, мы сначала перестелем кровать, – сказала Грета, и Мартин побледнел.

Грета пошла вылить воду из его тазика, Мартин посмотрел на Уле-Александра пристально, потом осторожно выудил из-под одеяла колбасу и перебросил её на кровать Уле-

Александра.

– Спрячь пока, – прошептал он.

Но куда Уле-Александр её девать? В тумбочку не положишь, потому что сестра сразу увидит её, если захочет навести порядок в его вещах. Уле-Александр свесился вниз и увидел рядом с тумбочкой свои тапки. Он запихнул колбасу поглубже в тапку. Пока он возился, у него закружилась голова, и он заснул, не дождавшись, чтобы сестра перестелила и его кровать тоже.

– Спи, спи, – сказала сестра. – Набирайся сил.

И Уле-Александр заснул, но последние его мысли были о Мартине и солёной колбасе.

Рентген

Уле-Александру показалось, что он едва смежил глаза, а вот уже в палате зажгли свет – шесть утра.

– Пожалуйста, измерь температуру, – сказала сестра и протянула ему градусник.

– Тебя я раньше не видел, – сказал Уле-Александр. – Ты тоже сестра?

– Да, сестра Эльсе. Неудивительно, что ты не видел меня раньше – я ночная сестра. Я работала всю ночь, а теперь пойду домой и высплюсь.

– Бедная, – посочувствовал Уле-Александр. – Ты очень устала, наверно.

– Да, вот вы сейчас умоетесь, и я уйду.

– Мартин, надо нам поторопиться! – сказал Уле-Александр. – Кстати, а зачем мы всё время умываемся? На улицу мы не ходим, в песке не играем, а всё равно должны мыться целый день.

– Да, в больнице всё время моют-чистят, порядок такой, – сказал Мартин.

– А я дома по вечерам моюсь, долго-долго, – стал рассказывать Уле-Александр, – потому что к вечеру я чернее сажи, и мама говорит, что меня нужно замачивать как бельё. А по утрам я всегда спешу, успеваю только ополоснуть нос и зубы почистить.

– Мартин, не забудь бороду расчесать, – напомнила сестра Эльсе.

– Ещё бы, – сказал Мартин, вытащил расчёску чёрного цвета и стал причёсывать свою красивую, длинную бороду.

– У тебя химия на бороде? – спросил Уле-Александр.

– Химия? – страшно удивился Мартин.

– Ну да. Когда мама хочет кудри на голове, она идёт к парикмахеру и делает химию. Но сейчас она кудри не делает, потому что нам с папой кажется, что длинные волосы без завивки красивее.

– У-у, – кивнул Мартин. – Нет, у меня волосы сами выются.

Но тут сестра Грета принесла завтрак. Уле-Александр вдруг почувствовал, что ужасно проголодался.

– Мартин, скажи, здорово, когда завтрак приносят вот так – в постель на подносе?

– Угу.

– Дать тебе твою колбасу?

– Нет, лучше после обхода.

Тебе наверняка любопытно, что такое обход. Сейчас я тебе расскажу. В больнице, как ты знаешь, очень много врачей. Каждое утро они все приходят и смотрят, как чувствуют себя больные. Это называется врачебный обход.

Без нескольких минут девять пришла сестра Грета и красиво разгладила одеяла, а бельё она ещё утром перестелила.

– Мартин, опусти, пожалуйста, колени, чтобы не портить

вид. Сегодня главврач на обходе.

– Он самый главный, что ли? – спросил Уле-Александр.

– Да, – кивнула Грета.

– Хм, – проворчал Мартин, но ноги выпрямил.

Тут дверь распахнулась, и вошёл невысокий мужчина в белом халате. За ним ещё один, и ещё и три медсестры. В их маленькой комнате стало не протолкнуться. Сперва все сгрудились у кровати Мартина.

– Так-с, – сказал главный врач. – Как дела, Мартин? Угу, небольшая температурка ещё держится. Сестра, его наконец перевели на бессолевой стол?

– Да уж да, – сказал Мартин. – Солить еду у вас в больнице не умеют. Этим дурням поучиться бы у моей жены. Она солит от души, зато еда – пальчики оближешь!

– Мартин, вот этого тебе сейчас и нельзя, – наставительно сказал главврач. – Твой организм не переносит соли, поэтому мы нарочно кормим тебя едой без соли. Сестра, продолжайте ещё пару дней.

Они подошли к Уле-Александру.

– Ну привет, – сказал доктор. – Выглядишь гораздо лучше. Сестра, температура у него есть?

– Совсем небольшая, – ответила сестра.

– Вот и отлично! Очень хорошо. Завтра переведём тебя наконец в детское отделение, там кто-то выписывается. Ты рад?

– Да, – сказал Уле-Александр. – Хотя мне и тут с Марти-

ном хорошо. Ему скучно будет, если я уеду от него.

– Уж наверно, – кивнул главный врач. – Но мы найдём ему нового соседа.

– А ты каждый день надеваешь чистый белый халат? – спросил Уле-Александр.

– Да, каждый день, – кивнул доктор.

– Бедная твоя жена. Сколько же ей стирать приходится!

– Халаты стирает больничная прачечная. Сестра, сделайте ему сегодня рентген. Хочу посмотреть, что там в лёгких.

– Конечно, – ответила сестра. И врачи с сёстрами испарились так же мгновенно, как появились.

– Пережили, – сказал Мартин. – Теперь долго будет тихо. Давай-ка мою колбаску, Уле-Александр.

– Нет, – помотал головой Уле-Александр. – Колбасы ты не получишь.

– Что такое? – изумился Мартин. – Ты не отдашь мне мою колбасу?

– Не отдам, – твёрдо сказал Уле-Александр. – Слышал, что доктор сказал? Ты не поправишься, если будешь есть солёное.

– Ладно тебе. Сколько там колбасы? Кусочек на один зуб.

– Нет и нет. Я тебе не дам. И ты должен пообещать, что не будешь есть солёное, когда я уеду.

– Ох и ничего ж себе! Но ты говоришь так серьёзно, что придётся мне попробовать. Буду всё есть без соли.

– Хорошо же, – сказал ему Уле-Александр.

Чуть позже в дверь снова постучали, и в комнату въехала кровать на колёсиках.

– Это кровать такая? – удивился Уле-Александр.

– Нет, носилки на колёсах. А я Бьёрн-с-каталкой, – сказал медбрат, который её привёз. – Так кто тут у вас заказывал покататься?

– Я, наверно, – ответил Уле-Александр, – мне сегодня снимок делать.

– Хорошо, – кивнул Бьёрн. – Я так и подумал, что будет кто-то твоего размера. Обычно мы вдвоём пациента перекладываем с кровати на каталку, взрослые-то – они тяжёлые, а сегодня меня одного отправили. Но ничего, мы с тобой справимся. Возьми меня за шею, да, вот так. Теперь мы тебя закутаем, чтобы дорогой не застудить. Ну всё, готово, поехали.

Бьёрн ловко вывез каталку в коридор. Уле-Александр уехалось отлично, чуть погодя он сказал:

– Интересненько. И тебе каждый день разрешают катать каталку?

– Да, разрешают. Внимание – заезжаем в лифт!

– Мне сойти? – спросил Уле-Александр. – Мы не поместимся вместе с каталкой.

– Ещё как поместитесь. У нас тут в больнице знаешь какие лифты? Огромные!

Бьёрн сказал правду. Это был не лифт, а большая комната.

– А у нас в доме лифт такой маленький, что мы еле впихи-

ваем в него коляску Крохи, – пожаловался Уле-Александр.

Лифт остановился, Бьёрн покатил Уле-Александра по длинному коридору, подрулил к какой-то двери и сказал:

– Приехали.

– А мы не можем сперва ещё покататься? – попросил Уле-Александр. – Мне очень понравилось так ездить.

– Мы подумаем об этом после рентгена. А сейчас у нас времени нет кататься, тебя уже ждут.

– А где находятся лёгкие? – спросил Уле-Александр.

– В груди, вот здесь.

– А как же мне их сфотографируют? Их же не видно!

– У них есть рентгеновский аппарат. Это такая штука, которая просвечивает человека насквозь.

– Это наверняка больно, – тоскливо сказал Уле-Александр.

– Нет, не бойся, ты ничего не почувствуешь. Тебя поставят в этот их аппарат, погасят свет, потому что для снимка нужна темнота. Один клик – и всё готово.

– У-у, – неуверенно протянул Уле-Александр. Он всё равно опасался.

– Это Уле-Александр пожаловал? – спросила медсестра, когда Бьёрн открыл дверь в кабинет.

– Угадала, – сказал Уле-Александр. – Если у тебя есть время, лучше говорить правильно – Уле-Александр Тилибом-бом-бом. А у вас, что ли, много сестёр в больнице? Я уже знаю сестру Грету и сестру Эльсе, а теперь вот тебя.

— Да, сестёр в больнице несколько сотен. Потому что больных тут очень много и каждому нужен уход и помощь. Но давай займёмся тобой. Ты сможешь постоять несколько минут?

— Конечно! — сказал Уле-Александр. — Мне надо встать в аппарат?

— Так точно, — сказала сестра. — Тебе уже делали рентген, раз ты всё знаешь?

— Нет, не делали, но мне Бьёрн-с-каталкой рассказал.

— Понятно, — сказала сестра. — Сейчас мы тебя поднимем и поставим вот сюда. Так. Сделай, пожалуйста, глубокий вдох, а потом не дыши.

Уле-Александр стоял внутри аппарата, и это было очень странно — снова стоять на своих ногах. Кто бы мог подумать, что просто стоять окажется нелёгким делом. Словно ногам не хватало сил держать на себе слишком тяжёлое те-

ло. И голова кружилась. Сперва чуть-чуть, но потом стала разгоняться быстрее и быстрее, и вдруг Уле-Александр упал в обморок. Болел он долго, ослаб, а сил набраться не успел.

Он очнулся на руках у медсестры, она прижимала ему ко лбу мокрую салфетку.

– Отключился, да, дружок? Надо было мне посадить тебя на стул. Не ушибся?

– Я вырубился, что ли? – спросил Уле-Александр.

– Да, – кивнула сестра. – Но теперь ты будешь сидеть, и мы попробуем ещё раз. Я сейчас выключу свет, а ты глубоко дыши.

Уле-Александр дышал как мехи для камина.

– Сейчас не дыши, – сказала сестра. – Теперь дыши нормально. Ты молодец. Я думаю, снимок получился.

– А ты не можешь заодно сделать просто снимок меня? – спросил Уле-Александр. – Тогда у меня был бы готов отличный новогодний подарок для мамы с папой.

– Не могу, к сожалению, этот аппарат таких снимков не делает. А тебе пора полежать, – сказала сестра и крикнула Бьёрну, чтобы завозил каталку.

– Хорошо прилечь, – сказал довольный Уле-Александр. – Я тут в больнице совсем разленился, всё время спать хочу. До свидания, сестра. Между прочим, как тебя зовут?

– Сестра Алфхильд. До свидания, Уле-Александр.

– Ну вот, – сказал Бьёрн. – А теперь поедem покатаемcя. Сначала поднимемcя на лифте на твой этаж, а там, если хо-

чешь, можем два раза прокатиться туда и обратно по коридору.

– Очень хочу, – сказал Уле-Александр. – Дрымс-дрымс-дрымс, поехали!

Бьёрн катил каталку и закладывал виражи, а Уле-Александр командовал: «Лево руля!» – и «Право руля!» – и «Вперёд по курсу!».

Тут появилась сестра Грета.

– Вижу, вы весело проводите время, молодцы, – сказала она. – Но Уле-Александру надо полежать спокойно, звонила сестра Алфхильд, сказала, что он потерял сознание во время рентгена. Надо дать ему отдохнуть, чтобы он набирался сил.

Бьёрн ввёз каталку в палату. Мартин лежал и пристально смотрел на дверь.

– Наконец-то, – сказал он. – Я уж так заскучал один, что чуть было опять не сделал как не надо.

– Это как? – спросила сестра Грета.

– Нет, это просто наш секретик, – объяснил Мартин.

Когда мама пришла проведать Уле-Александра, он говорил и говорил, столько ему надо было всего рассказать, но едва в дверях показалась Анна, жена Мартина, тут же замолк и поманил её к себе.

– Мне надо серьёзно с тобой поговорить, – начал Уле-Александр. – Ты должна мне пообещать, что не будешь носить Мартину ничего солёного, потому что тогда он не по-

правится. Видишь, у меня в тапке кусок колбасы, которую ты вчера принесла? Мне пришлось его спрятать, чтобы никто не узнал, что Мартин ел колбасу. Но теперь забери её домой, потому что Мартин обещал мне не есть ничего солёного, пока не выздоровеет.

– Что скажешь, Мартин? – спросил Анна. – Ты ведь такая соляная душа.

– Придётся сделать, как Уле-Александр говорит, – сказал Мартин, – иначе он не станет со мной дружить, а этого я не хочу.

– Я принесла вам пирожных, – сказала мама. – Их Мартину можно.

Тем вечером они прекрасно проводили время. Уле-Александр собирал новый пазл, его мама принесла. Потом сестра Грета распахнула дверь в коридор.

– Музыка! – сказала она.

– Вот это здорово! – обрадовался Мартин.

Они съели мамины пирожные. Вдруг в дверь постучали. Это была сестра Алфхильд, та самая, которая фотографирует лёгкие.

– Как тут наш обморочный мальчик? – спросила она. – Уле-Александр, я забыла сделать снимок глаз.

Она достала маленький фотоаппарат и приставила его к глазу, в другой руке она держала лампу. Она нажала на вспышку, щёлкнула – и снимок готов.

– Большое спасибо! – сказала она и ушла.

– Загадка, – покачал головой Мартин. – Я совершенно уверен, что она сделала снимок и моих глаз тоже.

– Значит, она сфотографировала четыре наших глаза сразу, – вслух подумал Уле-Александр. – Но меня в сон клонит. Спокойной ночи, Мартин. Мы, больные, знаем о жизни гораздо больше здоровых. Они понятия не имеют, как всё устроено в больницах, например.

Детское отделение

Уле-Александр проснулся утром и сразу вспомнил, что сегодня его ждёт что-то неприятное. Ах да, его переводят в другое отделение, а он так сдружился со стариком Мартином, обвыкся тут – и на тебе.

Мартин уже проснулся.

– Ну что, вот и утро, – сказал он и больше ничего не добавил.

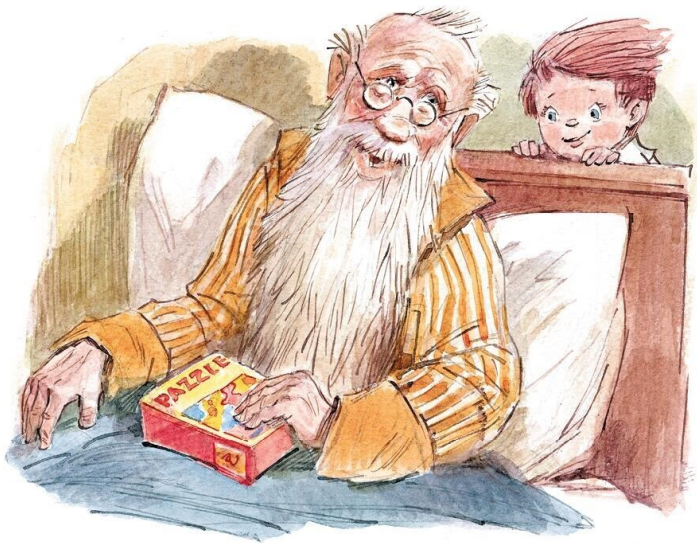
Утренние процедуры прошли как всегда, но сразу после обхода явился Бьёрн-с-каталкой.

– Приветствую, – сказал он Уле-Александру. – У нас сегодня небольшая поездка намечается.

В дверях показалась сестра Грета.

– Придётся нам отдать его, Мартин. Детское отделение требует Уле-Александра к себе, на это нам нечего возразить. Малыш, сейчас я соберу твои вещи. Ну-ка посмотрим: зубная щётка, расчёска, пазл и тапочки. Бог мой, как от них странно пахнет!

Уле-Александр с Мартином засмеялись, но Уле-Александр ничего не сказал – он не хотел выдавать друга.

– Вроде ничего не забыли, – продолжала сестра Грета. – Ох, вижу я, вы большие хитрецы. Бьёрн, можешь перекладывать мальчика.

Бьёрн переложил Уле-Александра на каталку и повёз.

– Подвези меня к Мартину сначала, – попросил Уле-Александр.

– Спасибо за компанию, – сказал Мартин. – Очень грустно, что тебя переводят. Я буду скучать без тебя.

– Вот тебе от меня подарок, – сказал Уле-Александр и протянул Мартину коробку с пазлом. – Собирай на здоро-

вье, и времени огорчаться, что меня нет, у тебя не останется.

– Ты правда мне его подаришь? – спросил Мартин. – Честно?

– Да, я так решил, – сказал Уле-Александр.

– Ну спасибо! – Мартин очень обрадовался. – Это мне занятие надолго. Представляю, сколько времени надо, чтобы собрать такую картину, как на обложке.

– Я как выздоровлю, приду тебя навестить, – пообещал Уле-Александр. – И не забывай, о чём мы договорились.

– Конечно, не волнуйся, – сказал Мартин. Он догадался, что Уле-Александр намекает на солёную еду, вернее, на обещание Мартина её не есть.

И Уле-Александр пустился в новое странствие по больничным коридорам. Бьёрн катил его умело и аккуратно. Навстречу им попадалось множество других больных, тоже куда-то перемещавшихся.

Видно было, что некоторым очень больно. Наверно, их только привезли в больницу, и доктора их ещё не лечили. Зато другие, хотя и все забинтованные, выглядели довольными и весёлыми.

– Я никогда не думал, что вокруг столько больных, – сказал Уле-Александр.

– Но счастье, что мы живём в стране, где есть больницы, – ответил Бьёрн. – Когда всерьёз прихватит, нигде тебе не помогут лучше, чем в больнице. Вот взять докторов. Я уверен, что они хорошо учились в школе, а потом много лет в ин-

ституте и у других врачей, чтобы научиться лечить людей. Поэтому я им доверяю.

– Угу, – пробормотал Уле-Александр. Он слушал вполуха, все его мысли были заняты детским отделением – как там всё будет? Уле-Александр побаивался.

– Ну вот, а теперь мы тебя хорошенько укутаем, чтобы ты не замёрз в машине.

– Я поеду в другую больницу?

– В другой корпус на этой же территории, – объяснил Бьёрн.

– А у неё такая сирена «уиу-уиу» и мигалка на крыше?

– Нет. «Скорая помощь» включает сирену и маячок, только когда спешит. А если время не поджигает, она ничего не включает.

«Смех один, а не поездка», – разочарованно подумал Уле-Александр. Не успели отъехать – уже на месте и его ввозят в здание.

Вот они снова едут по длинному коридору, но он весь завешан картинками, а где-то вдали слышен детский смех.

Появилась новая сестра.

– Ага, Уле-Александр пожаловал, – сказала она. – Ты большой молодец, лежал во взрослом отделении, да? Вот сюда его, – сказала она Бьёрну и распахнула дверь в палату.

– Здесь у тебя будут друзья, в твоей палате три мальчика. И ещё можно смотреть, что творится в соседней комнате,

там стеклянная дверь.

Уле-Александра подняли и положили на кровать. Он при-
встал на локтях, чтобы оглядеться, и увидел, что мальчики,
все трое, сидят в своих кроватях и во все глаза разглядывают
его. Уле-Александр быстро лёг и натянул на голову одеяло.

– Ну, ну, ничего, – сказал Бьёрн. – Пока. Я должен идти,
сегодня всем надо кататься.

– Передай привет Мартину и скажи, что я хотел бы остаться
с ним, – прошептал Уле-Александр. – Здесь все незнако-
мые, их очень много.

– Завтра ты иначе заговоришь, – сказал Бьёрн. – Ну, счаст-
ливо оставаться.

Уле-Александр снова высунул из-под одеяла кончик носа
и огляделся. На него никто не смотрел. Двое из ребят одева-
лись.

– А здесь можно вставать? – спросил он ошеломлённо.

– Нам можно, потому что на наших «историях» нарисо-
вали стрелу.

Историями назывались папки, подвешенные над кроватя-
ми. Там отмечали, у кого какая температура, какие жалобы
и прочее.

– Но тебе надо лежать, пока доктор не разрешит вставать.
Зато ты один не останешься, Андерсу тоже пока вставать
нельзя. Мы знаешь как долго тут валялись, пока нам стрелы
нарисовали.

– А я знаешь сколько уже лежу в больнице? – сказал Уле-

Александр. – Шесть дней!

– Нашёл чем гордиться, – ответил мальчик. – Я тут уже полгода, а Эйнар – четыре месяца. Но нас скоро выпишут домой.

– Меня тоже так надолго тут оставят? – спросил Уле-Александр упавшим голосом.

– Чем ты болеешь?

– Воспалением лёгких.

– Воспаление лёгких? Нет, тебя скоро выпишут.

– Ты, что ли, доктор?

– Ещё нет, но главврач говорит, что скоро им стану, – гордо ответил мальчик. – Потому что я уже знаю обо всех болезнях. Но мы спешим, нам в игровую комнату надо. Счастливого оставаться.

В палату вошла сестра.

– Здравствуй, Уле-Александр. Меня зовут сестра Осе. Давай-ка посмотрим, сколько ты дней лежал? Ага. Думаю, ты уже можешь сидеть в кровати и играть. Сейчас принесу тебе столик.

Столик оказался очень большим, от края до края кровати, и его можно было двигать вперёд и назад. К нему сестра Осе принесла конструктор – много-много деталей.

– Ух ты! – сказал Уле-Александр. – Тогда я построю свой дом, он очень высокий, даже с лифтом. Я могу строить долго-долго?

– Можешь строить до обеда, – сказала сестра Осе. –

Это ещё целый час, даже больше.

К обеду дом был почти готов. В нём было восемь этажей, и оставалось только лестницу построить.

– Можно мне его не ломать? – спросил Уле-Александр. – Или надо из-за обеда?

– Мы сейчас аккуратно снимем его вместе со столиком, а после сна достроишь, – сказала сестра Осе.

– Я буду спать после обеда как взрослый? – спросил Уле-Александр. – Я так делаю только перед Новым годом или если иду в гости и поздно лягу спать.

– В больнице дети спят каждый день. Но ты не волнуйся, я разбужу тебя ещё до начала посещений. Мама к тебе придёт?

– Конечно, – сказал Уле-Александр.

– А ко мне никогда не приходит, – вздохнул Андерс. – Она живёт далеко за городом, и у неё очень много дел.

– Хочешь, поделюсь с тобой моей мамой? – предложил Уле-Александр. – Я её предупрежу, как только она появится.

Мама пришла чуть позже, чем обычно.

– Ох и набегалась я, пока тебя нашла, – сказала мама. – Больница размером с небольшой город.

– Мама, – сказал Уле-Александр, – тебе надо сначала проведать Андерса. Ты посиди половину времени с ним, а половину со мной. Я хочу с ним тобой поделиться. Ты понарошку побудешь ему мамой, хорошо? А то его мама живёт очень далеко за городом и не может его навещать.

– Конечно, – кивнула мама. – Я как раз захватила сегодня два яблока. Тогда одним я угощу Андерса, а другим тебя, да, Уле-Александр?

Мама села на стул у кровати Андерса.

– Как поживает Пуф? – спросил Уле-Александр.

– Он везде тебя ищет и не может понять, куда ты делся. Он пришёл со мной, но ждёт в саду. Я привязала его там к дереву, и он, конечно, ужасно обиделся, что я не взяла его с собой. Но, дорогой, сейчас я навещу Андерса и поговорю с ним, а с тобой мы поговорим, когда я приду к твоей кровати, – сказала мама и улыбнулась Уле-Александру.

– Конечно, – кивнул Уле-Александр. Он лежал и слушал, как мама разговаривает с Андерсом, и очень гордился, что это ему самому пришла в голову мысль поделиться мамой.

А в саду ждал Пуф. Мама сказала правду, он страшно обиделся. Это ж надо было такое придумать – привязать его здесь одного. Такого приличного воспитанного пса, который всегда ходит с хозяевами по всем делам. И если ему говорят «тихо», он ведёт себя тихо, а скажут «сидеть» – он садится, а если «лежать» – ложится. Но сейчас хозяйка просто привязала его, но не велела вести себя тихо. Раз так, сейчас он скажет всё, что об этом думает. Как залает, так они всё и поймут. Разбаловал он их совсем, слишком хорошо себя вёл. Но теперь хватит!

Пуф залаял во всё горло, медсёстры и врачи высунулись в окна посмотреть, что за шум такой. Наконец одна сестра спустилась вниз и очень строго сказала Пуфу:

– Фу! Нельзя тут лаять! Жди тихо.

Пуф понял и замолчал. Сестра постояла, постояла и ушла. Чем же теперь заняться, подумал Пуф. И куда подевалась мама? Интересно! Ему было очень любопытно. Он потянул поводок – тот легко натянулся. Это был простой кожаный ремешок, не какая-нибудь там цепь. Его перегрызть – пара

пустяков.

И Пуф принялся за дело. Он грыз, жевал и сплёвывал кусочки кожи, потому что ему некогда было глотать их. Потом широко разинул пасть и откусил большой кусок. Фуф, ещё немного – и дело сделано. Пуф вцепился зубами в ремень. Он отчаянно мотал головой и тянул его изо всех сил, и вдруг ремень лопнул. Когда тебе или мне удаётся сделать трудное дело, мы очень собой гордимся и задираем нос. Пуф тоже очень собой возгордился, но нос он уткнул в землю, втянул запах и рванул с места. Выследить маму оказалось совсем не сложно. Вот тут она поднялась в горку, потом прошла через двор и в эту дверь. У двери Пуфу пришлось остановиться. Это такая дверь, которая распаивается наружу, с ней собаке не совладать. Придётся ждать, пока кто-нибудь захочет выйти. Ага, вот и удачный случай. Медсестра распахнула дверь, и в неё тут же стрелой влетел Пуф.

– Что такое? – вскрикнула сестра и помчалась назад – посмотреть, кто это вбежал в больницу.

Но Пуфа уже и след простыл, он умчался вверх по лестнице. По пути он ещё несколько раз наткнулся на медсестёр, и все они кинулись за ним в погоню, потому что собакам запрещено заходить в больницу. Но Пуф этого не знал и бежал вперёд и вперёд. Вот ещё одна лестница, а за ней длинный коридор. У Пуфа голова шла кругом, столько резких запахов было вокруг. Пахло лекарствами, хлоркой и ещё непонятно чем. Пуф изо всех сил старался не потерять мамин

след, но шум и погоня отвлекали его. Наконец он добежал до запертой двери. Ага, мама здесь, понял он и поскрёбся в дверь. Но никто не открыл. Тогда Пуф встал на задние лапы и вцепился в ручку.

– Мама, в дверь стучат, – сказал Уле-Александр.

– Да нет, тебе показалось, – ответила мама, но была неправа, потому что в ту же секунду дверь распахнулась и влетел Пуф. Он кинулся к маме и Андерсу. Обнюхал его, но тут он учуял Уле-Александра!

Вот это радость! Пуф со всех лап кинулся к Уле-Александру, перепрыгнул через его кровать два раза туда и обратно, вскочил на неё, задев столик и восьмизэтажный дом, тот рухнул на пол, и кубики разлетелись по всей палате.

– Пуф! – сказал Уле-Александр с укоризной, и Пуф понял, что хозяин немножко огорчился, юркнул под кровать и тихо там улёгся.

– Хороший пёс, – сказал Уле-Александр. – Я знаю, ты не нарочно.

В коридоре раздался топот и крики.

– Странно, чтобы в больнице так шумели. Больным нужен покой, – сказала мама и закрыла дверь.

Но тут же в неё постучали, пять или даже шесть сестёр заглянули в палату. Пуф лежал тихо, как мышка, они его не заметили и побежали дальше.

Но одна сестра, это была сестра Осе, задержалась и заговорила с Уле-Александром:

– Ну что, дружок, мама всё-таки не пришла?

– Ещё как пришла, – сказал Уле-Александр. – Я просто одолжил её пока Андерсу, потому что меня ещё второй друг навещает. Иди с ним поздоровайся. Он очень милый, не бойся.

– А где же он? – спросила сестра Осе. – Я никого не вижу.

– Ты под кровать загляни, – посоветовал Уле-Александр.

– Вот кто здесь, – сказала сестра Осе. – А вся больница с ног сбилась, ловят чёрного пуделя.

– Это случайно получилось, – сказала мама. – Я привязала его в саду, но он, видимо, перегрыз поводок.

– Пойду скажу остальным, что поиски можно прекратить, – ответила сестра Осе.

– Боюсь идти с ним теперь через всю больницу, – вздохнула мама. – Все будут меня ругать и говорить, что с собаками в больницу нельзя.

– Накинь на него свой плащ и иди быстро, – посоветовал Уле-Александр.

– Неглупый совет, – кивнула мама.

Она посидела с Уле-Александром, поболтала с ним, а потом накинула свой светлый плащ на Пуфа и повязала ему на голову свой платок. Пуф изо всех сил замотал головой, чтобы скинуть его.

– Послушай меня, Пуф, – сказала мама строго. – Ты поставил меня в трудное положение, теперь будь добр – помоги мне. Веди себя прилично. Пошли! До завтра, мальчики мои!

Пуф стал похож на дряхлую согбенную старушку, но наверняка все встречные догадывались, что на самом деле он собака.

Когда они вышли из дверей больницы, Пуф скинул и плащ, и косынку. Больше он на маму не обижался, а как порядочный воспитанный пёс шёл рядом с ней всю дорогу до тёти Петры, которая присматривала за Крохой в мамино отсутствие.

– Слышал, что она сказала? – спросил Андерс. – Мальчики мои! Очень приятная прокатная мама.

– А я что говорил?! – кивнул Уле-Александр.

Снова дома

Уле-Александр лежал в детском отделении уже много дней. Он сдружился с мальчиками из своей палаты. Да и мальчики из соседней палаты, которых он видел через стеклянную дверь, казались ему знакомыми. А ближе всех он узнал Андерса, тем более что их кровати стояли рядом.

Но однажды во время обхода главный врач остановился у кровати Уле-Александра.

– Ну что, дружок, не пора ли тебе вставать? – сказал главный врач.

– Давно пора, – ответил Уле-Александр. – Говорят, у вас тут отличная игровая комната, а я в ней ещё не бывал.

– Что есть, то есть, – ответил главный врач и нарисовал на папке Уле-Александра красивую стрелу – знак, что Уле-Александру можно вставать.

Сестра Осе принесла его одежду, и Уле-Александр стал одеваться. Он так давно не упражнялся в этом, что разучился, и пришлось сестре помогать ему. Но вот он одет, осталось только сунуть ноги в тапки. Они всё ещё пахивали солёной колбасой, но Уле-Александру это было даже приятно.

– Ну, давай попробуем, – сказала сестра Осе. – Держись за меня, а то ты отвык ходить, наверно.

– Думаешь, я ходить не умею? – спросил с укоризной Уле-Александр. – Я, между прочим, научился ходить в год, а те-

перь мне уже шесть. Зачем мне за тебя держаться?

Но, когда Уле-Александр спустил ноги на пол и двинулся вперёд, колени вдруг подогнулись.

– Что за дела? – очень удивился Уле-Александр.

– Ничего странного, – объяснила сестра Осе. – Ты очень долго лежал, и мышцы разучились работать. Так что держись за меня. Мы пойдём вон до того стула, спокойно и медленно. Давай – шажок, потом ещё шажок.

Оказалось, до стула идти и идти. Когда Уле-Александр наконец добрался до цели, его качало от усталости, как будто он пробежал полмарафона.

– Надо мне посидеть, – просипел он и опустился на стул. – О, как же хорошо!

Сестра Осе смотрела на него с улыбкой.

– Отдохни и пойдём обратно, – сказала она. – Или хочешь дойти до Андерса?

– Конечно, хочу, – сказал Уле-Александр и встал. Теперь идти было легче, он не висел на сестре Осе, а только немножко опирался на неё.

Андерс смотрел на него во все глаза. Сам он вблизи выглядел не так, как издали. К тому же он как будто немного завидовал Уле-Александру. Наверно, ему очень надоело лежать и хотелось встать.

– Сестра Осе, а скоро Андерс встанет? – спросил Уле-Александр.

– Теперь уж скоро, – ответила сестра Осе. – Он очень

сильно болел, поэтому он дольше выздоравливает. Но Андерс большой молодец, пьёт все лекарства, и скоро врач решит ему вставать. Придётся нам тогда потрудиться, Андерс, чтобы снова научиться ходить, ты ведь лежал гораздо дольше, чем Уле-Александр.

– Придётся, – кивнул Андерс. – Доктор мне велел крутить ногами, как будто я еду на велосипеде. Он говорит, что тогда ноги станут сильными и легче будет снова на них встать.

– Уле-Александрю пора, кажется, назад, – сказала сестра Осе.

Она отнесла его в кровать, раздела, и он в ту же секунду уснул. Как же хорошо лежать в кровати! Главное – не вставать.

Но на следующий день дело пошло бодрее. Уле-Александр безо всякой поддержки обошёл всю палату. А через день вышел прогуляться с сестрой Осе в коридор, а ещё через день добрался до игровой комнаты. Здесь оказалось очень много ребят, почти всех он видел первый раз, а играла с детьми специальная игровая няня. Игрушки тоже были удивительные. Деревянные кубики такого размера, что построился высотный дом чуть не в натуральную величину. Уле-Александр даже смог втиснуться внутрь его, хоть и с трудом. Ещё было много машинок, раскраски и вырезалки и заводной медвежонок. Он танцевал, пока завод не кончится. Эх, жалко Андерс сидит один в кровати и ничего этого не видит, подумал Уле-Александр и спросил игровую няню:

– Можно я отнесу медвежонка в палату и покажу Андерсу?

– Да, я тебе разрешаю, – ответила няня. – Если хочешь, возьми ещё каких-нибудь игрушек. Только дай честное слово, что ты потом наведёшь в палате порядок и принесёшь игрушки назад.

– Обязательно!

Андерс очень обрадовался, что Уле-Александр вернулся так быстро.

– Я думал, ты только к обеду придёшь, – сказал он. – А ты вот!

– Смотри, какой мишка! – сказал Уле-Александр, и мишка станцевал на столике Андерса. – А скоро наша мама придёт, Андерс!

На другой день во время обхода главный врач подошёл к кровати Уле-Александра с очень довольным видом.

– Так, так, – сказал он, радостно потирая руки. – Твоё пребывание в больнице доставило нам много удовольствия, но завтра ты отправишься домой, потому что ты уже здоров. Но дома береги себя – побольше отдыхай, много не скачи.

– Ой! Меня вернут домой к маме, папе и Крохе? – уточнил Уле-Александр.

Весь день Андерс был молчалив и задумчив, но Уле-Александру было недосуг поразмыслить над этим, у него голова шла кругом от других дум. Он предвкушал, как увидит всех своих, и семью, и родню, и друзей, и расскажет им обо всём

важном, что он теперь знает, а они-то нет. А с другой стороны, было странно уезжать из больницы, ему здесь понравилось.

На другое утро Уле-Александру и подавно было не до чего, ему надо было попрощаться со всеми ребятами, сёстрами и врачами. Андерс грустил, лёжа в своей кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.